

18+

Илья Файн

ИГРЫ ОБЩЕСТВА

Илья Файн

Игры общества

«Издательские решения»

Файн И. В.

Игры общества / И. В. Файн — «Издательские решения»,

Сборник антиутопических рассказов, где абсурд соседствует с мраком: юношу внезапно назначают правителем планеты; два бандита идут грабить бар и получают сюрприз; патентный адвокат работает только с воплощёнными изобретениями; французы оказываются в гуще кровавой революции; игрок в рулетку находит идеальный алгоритм — но итог каждый раз оборачивается неожиданностью.

© Файн И. В.

© Издательские решения

Содержание

Верховный правитель	6
Назначение	6
Школьное Образование	8
Выход в жизнь	12
Верховный правитель планеты	14
Коридор власти	19
Великий судья	21
Тонкая настройка	25
Разговор с зеркалом	25
Метод маленьких шагов	29
Маленький пёс по имени Мета	31
Эксперименты на людях	32
Вишенка на торте	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Игры общества

Илья Вольфович Файн

Корректор Юрий Кудряшов

Иллюстрации Chat GPT

© Илья Вольфович Файн, 2026

ISBN 978-5-0070-4369-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Верховный правитель

Назначение

Резкий звонок телефона вырвал Гео из глубоких раздумий.

— Алло, — ответил он напряжённым голосом.

В ответ раздался спокойный, ровный голос:

— Господин Гео, мы рады сообщить вам от имени великого судьи, что вы назначены верховным правителем планеты.

Гео вскочил на ноги, ошеломлённый. Теоретически это могло случиться с кем угодно. Великий судья — вне времени и возраста — раз в несколько лет выбирал нового правителя. Личный контакт был не нужен: любой, включая самого судью, мог обратиться к системе VikTruth и узнать всё о любом жителе планеты. И, основываясь исключительно на этих данных, судья делал свой выбор. Но почему именно он, Гео?

Конечно, миллионы людей по ночам падают с кровати или поскальзываются в душе, разбивая голову о кафель. И каждый из них задаёт один и тот же глупый вопрос: «Почему я?»

Но этот звонок... Его просто не должно было быть. И всё же Гео уже начинал ощущать неотвратимость происходящего.

Он крепче сжал трубку, голос дрогнул:

— Вы ведь понимаете, что у меня есть проблемы со здоровьем? Я не гожусь для такой ответственности...

Голос на том конце линии не дрогнул:

— Ваше здоровье находится в пределах допустимых норм. Система VikTruth уже обновила ваш статус.

Дыхание Гео участилось. Он попробовал снова:

— Я не знаком с методами управления. Я не люблю публичных выступлений. Мне всегда во всём отказывают.

— Ваш психологический профиль указывает на достаточный лидерский потенциал. Неприязнь к вниманию статистически является преимуществом.

— Но у меня есть обязательства. Работа. Жизнь. Я не могу просто всё бросить!

— Все прежние обязательства аннулированы. Переход обязателен.

Голос Гео сорвался:

— Должен быть кто-то достойнее, чем я. Кто-то более подготовленный. Это ужасная ошибка!

— Система не допускает ошибок. От имени всех граждан планеты поздравляем с назначением.

Гео стоял неподвижно, сердце бешено колотилось.

— Подготовьтесь. Вам ничего не надо брать с собой. Через час за вами прибудет транспорт для сопровождения в Планетарный центр управления. Удачи.

Щелчок... Разговор окончен.

Школьное Образование

Гео сидел с окаменевшим лицом, пытаясь осмыслить слова, всё ещё звучавшие в его голове. Где он уже слышал нечто подобное? О верховном правителе. Где-то очень давно в тусклых коридорах памяти затаился какой-то рассказ... Может быть, в школе? Да, на том самом уроке, который навсегда врезался в сознание, в день, когда им торжественно показали самые основы их мира.

Тем утром дверь класса с грохотом распахнулась. Учительница вошла сияющая: щёки пылали от волнения, глаза искрились той радостью, от которой дети невольно выпрямлялись на своих местах. Она буквально вибрировала от восторга, словно собиралась открыть сокровенную тайну.

— Дети! — воскликнула она, и голос её дрожал от чувств. — Сегодня вы узнаете самое важное: как человечество научилось жить без войн и ссор!

Слова разошлись по классу кругами, как рябь по воде. Ученики зашевелились на стульях, зашуршало дерево, зашуршала бумага. В воздухе повисло ощущение чуда — чего-то грандиозного, вот-вот готового открыться.

Гео, нахмурившись от смеси растерянности и любопытства, медленно поднял руку.

— А что такое... войны?

В классе воцарилась тишина. Даже Марсик, который обычно хихикал или тыкал кого-нибудь карандашом, с интересом наклонил голову.

Гео хорошо знал, что такое ссоры — благодаря Марсику, который превратил дразнилки в настоящее искусство. Но войны? Это слово звучало очень страшно.

Пока учительница увлечённо объясняла и её руки рисовали широкие дуги в воздухе, взор Гео обратился к Венерке, которая с рассеянным видом уставилась на училку, а сама при этом вызывающе подставила щёку. Он наклонился, сердце бешено колотилось, и, прежде чем успел остановить себя, он быстро чмокнул Венеру в розовую щёчку.

Она застыла, лицо вспыхнуло ярко-красным пламенем, а затем отплатила линейкой, которую всегда носила с собой — хлест! Жгучая боль пронзила его руку.

Сзади прыгнул Марсик, как заводной человечек. Его глаза пылали притворным возмущением.

— Так тебе и надо, жених! — рявкнул он.

Класс взорвался смехом. Уши Гео пылали от стыда, он опустил голову, желая, чтобы земля проглотила его целиком. Учительница, поглощённая собственной вдохновенной лекцией, ничего не заметила.

— Много лет назад, — продолжала она драматично, — земля была разделена на страны. Люди этих стран убивали друг друга просто потому, что не могли договориться! — Она начала шагать по классу, как актриса на сцене. Подол её юбки касался рядов парт. Голос её то поднимался, то опускался, завораживая, унося детей за собой, как течение реки. — Даже внутри этих стран люди воевали. Почему? Позвольте привести пример. — Она остановилась, позволив тишине нарастать, а затем внезапно обратила взгляд на Гео. — Предположим, молодой человек влюбляется в девушку...

В классе пронеслись смешки. Гео сместился на месте, отчаянно желая исчезнуть.

— А другой молодой человек тоже её любит, — добавила она. Глаза теперь мельком коснулись Марсика.

Все головы обратились к Марсику. Марсик широко улыбнулся, расправил грудь, будто история писалась только для него. У Гео по спине пробежал холодок.

— И тогда, — голос учительницы стал тяжёлым и серьёзным, — один из них может убить другого.

Смех мгновенно стих. В комнате стало холоднее.

— А если у одного из них есть друзья? — пискнул худощавый мальчик в первом ряду. Голос почти дрожал.

Учительница подняла палец. Глаза потемнели.

— Тогда другие друзья могут убить второго мальчика и его друзей. И, если все будут вооружены... начнётся война.

Мел скрипел по доске, пока она рисовала человечков с крошечными мечами. Их простые силуэты были удивительно угрожающими.

— В древней литературе, — сказала она, — есть рассказ под названием «Троянская война». Из-за одной женщины, которую обе стороны не могли поделить, греки объявили войну Трое. Десять долгих лет они сражались... И Троя была разрушена.

Гео и Венера обменялись взглядами. Лица их побледнели. Гео наклонился ближе и нервно прошептал ей на ухо:

— У тебя есть ещё какой-то друг?

Губы её скривились в озорной улыбке, хотя щёки всё ещё пылали.

— Я ещё не решила... — шепнула она в ответ, дразня его.

Учительница продолжала. Голос её наполнялся торжественностью и гордостью:

— Но на нашей планете войн нет. Знаете почему?

Её вопрос прозвенел в классе, как звон колокола. Наступила тишина. Даже школьный клоун перестал рисовать свои каракули на полях.

Гео и Венера наклонились вперёд. Глаза их были широко раскрыты, словно ответ мог изменить ход их жизни.

— После столетий диктатуры люди придумали систему, которую называли демократией. Идея была в том, что большинство голосует, а победившая группа управляет. — Учительница вздохнула. Взгляд её устремился вверх, она словно наблюдала, как тени истории проходят по потолку. — Но люди всё равно не могли договориться...

Она опустила голову. Пауза растянулась невыносимо, пока она вдруг не выпрямилась с новым огнём в глазах.

— И вот после многих неудач родился наш метод! Теперь, если кто-то вас обижает или не соглашается с вами, вы подаёте корректировку в ваш профиль VikTruth. Великий судья либо одобряет... либо отклоняет.

В классе пронеслись вздохи и шёпоты.

— Он велик потому, что способен принимать тысячи решений каждую минуту, — сказала она, и в её голосе звучало почтение.

Рука Гео взлетела. Любопытство горело в нём.

— Но кто он?

Венера резко ткнула его в ребро. Глаза предупреждали: «Тише!» А Гео в растерянности подумал: «Она уже меня воспитывает?»

Лицо учительницы засияло.

— Никто, никто никогда не видел великого судью! Вот почему его решения безупречны. Его нельзя подкупить. Его нельзя склонить. Он чистый разум. — Её глаза сверкали убеждённо. — Он назначает верховного правителя... И при необходимости снимает его. — Она подняла руки, словно показывая чудо. — И самое удивительное: любой гражданин может стать верховным правителем. Любой!

— Даже я? — одновременно выдали Гео и Марсик. Голоса их столкнулись.

Учительница рассмеялась. Улыбка её ослепляла.

— Конечно! Если будете усердно учиться.

Она повернулась к доске и начала писать мелом быстро и уверенно:

Великий судья:

a) разрешает все споры между гражданами;

b) решает, могут ли граждане иметь детей;

c) назначает наказания за преступления;

d)...

Но прежде, чем она успела закончить, прозвенел звонок, разрушивший магию момента. Класс взорвался шумом: крики, смех, топот ног. Учительница подняла голос над хаосом:

— Список продолжим на следующем уроке!

На следующий день дети узнали, что даже история когда-то была полем битвы. Войны велись из-за интерпретаций прошлого. Но теперь... существует только одна история — та, что записана в VikTruth. Каждое дополнение, каждое изменение должно быть одобрено великим судьёй. С тех пор споров больше не было — ни в истории, ни в науке, ни в искусстве. В каждый момент существует только одна VikTruth. И биографии всех граждан постоянно обновляются, как живой реестр существования.

Гео вздрогнул, когда слова учительницы вернулись к нему. Потому что в этом мире, если тебя нет в VikTruth... тебя просто не существует.

Выход в жизнь

Как только Гео закончил учёбу, его официальное существование было зафиксировано в VikTruth. С того момента никакая информация о нём не оставалась личной. Его биография, предпочтения, привычки, даже мимолётные привязанности — всё было формализовано и зашифровано в великом реестре реальности.

Треугольное напряжение между Гео, Венерой и Марсиком не стало исключением. VikTruth беспристрастно классифицировал его как реляционную триаду, где каждый занимал вершину этого хрупкого эмоционального треугольника.

Со временем Венера освободила орбиту от Марсика. Она выбрала Гео, и его мир засиял яркими красками. С безрассудной уверенностью юности они стояли вместе перед терминалом. Дрожащие пальцы вводили торжественное обещание: они клялись в вечном единстве. VikTruth принял их заявление и закрепил его как закон. На один ослепительный миг казалось, что сама система благословила их любовь, наделив её аурой постоянства.

Вскоре Венера шепнула желание, которое заставило сердце Гео биться быстрее: она хотела ребёнка. В их обществе такие желания не могли оставаться личными фантазиями. Вместе они подготовили заявку: формальное изменение в их профилях VikTruth — запросили разрешения у великого судьи. Форма была бюрократичной и почти стерильной. И всё же за каждой галочкой и строкой текста скрывались их мечты о семье.

И они ждали. Тревожные дни перетекали в бессонные ночи. Гео часто замечал, как Венера смотрит вдаль с отстранённым взглядом, будто прислушиваясь к вердикту самого неба. Ответ пришёл быстро, безжалостно:

Отказано.

Сообщение появилось в их профилях, как шрам:

Право на ребёнка пересматривается через два года.

Гео и Венера пытались утешить друг друга:

— Два года — это ничто, мы дождёмся вместе, к тому времени станем сильнее.

Но их связь начинала ослабевать.

А затем без предупреждения всё изменилось. В VikTruth появилось новое изменение. Гео не нужно было гадать, кто его подал. Язык сообщения был разрушителен. Было написано: «Венера больше не любит Гео. Она любит Марсика». Её статус отношений был изменён соответствующим образом.

Великий судья одобрил это мгновенно. Без задержек, без апелляций, без вопросов. В их обществе то, что записано в VikTruth, не было мнением. Это не было слухами. Это была истина. Противоречить ей значило отрицать саму реальность.

Неповиновение имело цену страшнее изгнания: исключение из системы. У изгоев нет доступа к работе, нет продовольственных пособий, нет медицинской помощи, нет места в официальном нарративе. Быть вычеркнутым из VikTruth означало исчезнуть из мира, как будто ты никогда не существовал.

Венера, всегда послушная, подчинилась без колебаний. Она собрала свои вещи с тихой эффективностью, будто следуя заповеди, вырезанной в камне. Она не смотрела на Гео с гневом или скорбью — только с отстранённым выражением человека, подчинявшегося необходимости. Затем она вышла, оставив позади не только дом, но и саму нить жизни, которую они начали ткать вместе.

Гео остался один, глядя на молчаливый терминал, чей холодный декрет разорвал его будущее. Сердечная боль была почти второстепенной по сравнению с откровением, разъедавшим его изнутри: вот как их мир предотвращал Троянские войны — не разумом, а алгоритмическим вердиктом, быстрым и абсолютным, разрезавшим человеческие связи механической безразличностью.

Верховный правитель планеты

Гео всё ещё шатался под ударом, который нанёс ему VikTruth. Резкое «нет» на его просьбу о ребёнке выпотрошило его изнутри, а воспоминание об уходе Венеры тянулось фантомной болью. Он думал, что разбитое сердце станет самым большим испытанием в его жизни. Он ошибался.

Прежде чем он успел хоть как-то осмыслить утрату, его реальность разорвал новый гром: великий судья назначил его верховным правителем планеты.

Слова казались абсурдными, почти смешными. Он? Гео? Человек, которого только что бросили, лишили любви и будущей семьи одной строкой цифрового текста — и вот теперь он внезапно хозяин миллиардов жизней? Мысли сталкивались, смешивая неверие, страх и странное гложущее любопытство. Это была награда? Злая шутка? Или просто очередной механический поворот колеса алгоритма, равнодушного к человеческой боли?

Как и было ему сказано, за ним прибыла машина. Чёрная, гладкая, пугающе бесшумная, она скользнула к тротуару перед его домом и остановилась. Поверхность блестела так, словно пыль никогда не осмеливалась к ней прикоснуться. Гео неохотно сел внутрь. Как только двери герметично закрылись, автомобиль плавно рванул вперёд. Казалось, его понесла сама судьба: невесомо и беспомощно.

Поездка закончилась у гигантского комплекса — лабиринта из стекла и металла, нависавшего, как храм порядка. Двери распахнулись с тихой торжественностью. Его уже ждал улыбавшийся чиновник с протянутой рукой. Каждое его движение было отрепетировано до совершенства.

— Добро пожаловать в Планетарный центр управления! — тепло произнёс он, словно приветствуя старого друга. — С этого момента вы будете проживать здесь в качестве верховного правителя — до назначения вашего преемника. Вам обеспечены лучшие условия для работы и отдыха. А теперь, если позволите, я проведу краткий инструктаж. Прошу за мной.

Гео шёл следом, как во сне. Его взгляд метался: безупречные стены без единой царапины, свет идеальной яркости, приглушённый гул скрытых за панелями систем — всё было слишком идеальным, и эта безупречность лишь усиливала тревогу.

После нескольких неуверенных шагов слова вырвались у него сами собой:

— Это действительно... здесь происходит всё управление планетой?

— Разумеется, — без колебаний ответил чиновник. — Нет смысла разбрасываться.

Гео тяжело сглотнул. Вопрос, давивший на грудь, наконец прорвался наружу:

— А великий судья?..

Впервые безупречная маска чиновника дрогнула. Он понизил голос.

— Разумеется, он тоже где-то здесь. Но никто не знает, где находится его кабинет... И никто никогда его не видел.

Эти слова лишь усилили беспокойство Гео. Если судью никто никогда не видел, кому — или чему — Гео теперь служит?

Они шли дальше по коридору, который казался бесконечным, извивался, словно чрево свернувшегося змея. Двери сливались со стенами, почти невидимые, обозначенные лишь тонкими швами и скромными табличками. Это было место, созданное скорее для сокрытия, чем для демонстрации.

Наконец чиновник остановился у одной из дверей. Лёгкое касание по табличке — и стена сдвинулась, бесшумно раскрыв узкий проём. Гео вошёл внутрь.

Комната была скромной до оскорбления: один стол, компьютер в центре, а в глубине — блеск ручки от ванной. Ни величия, ни знамён — лишь голая келья, замаскированная под кабинет.

— Я... ненадолго здесь, верно? — тихо спросил Гео, и в голосе прозвучала надежда. Чиновник с отработанной лёгкостью проигнорировал вопрос.

— Я вернусь за вами к обеду. Ах да, один важный момент: на время вашего срока вы будете спать здесь.

Он нажал кнопку. Из стены с механической точностью выдвинулась кровать — полностью заправленная, стерильная, безликая. Ещё одно нажатие — и она исчезла обратно.

— Надеюсь, вы быстро освоитесь, — добавил он с улыбкой, не доходившей до глаз. — И главное — гордитесь: вам доверена судьба всей планеты.

Дверь за ним закрылась с почти окончательным щелчком. Гео остался один.

На мгновение он застыл, слыша, как сердце гулко бьётся в ушах. Затем неуверенными шагами подошёл к столу. Сработала привычка — он пошевелил мышью. Экран мгновенно загорелся.

Добро пожаловать, верховный правитель!

Появилась холодно сияющая эмблема VikTruth, а затем — страница с его биографией. В самом верху на него смотрели слова:

Новый верховный правитель родился...

Ниже тянулась вся его жизнь, изложенная таким нейтральным тоном, что она казалась чужой. Рядом — ссылки на профили его предшественников, галерея правителей, к числу которых он никогда не помышлял принадлежать.

Он нажал клавишу, отчаянно разыскивая хоть что-то, что вернуло бы ощущение реальности. На экране распустилось пульсирующее серое облако, обведённое пунктирной красной рамкой:

Финансы

Из облака начали выплывать разноцветные шарики, как мыльные пузыри. Каждый был аккуратно подписан:

Транспорт

Наука

Культура

Образование

Здравоохранение

Дизайн был настолько ясным, настолько по-детски простым, что это пугало ещё сильнее. Неужели судьба мира действительно сводится к шарикам?

Затем по экрану прокатился огромный зелёный круг с надписью:

Общий бюджет

Он раскололся, как пирог, и каждый сектор выдвинулся вперёд со своей подписью. Пульс Гео участился. Палец завис над мышью. Он кликнул по «Образованию».

И вдруг из сегмента протянулось изображение руки, и рядом появились слова:

Потяни меня

Гео нервно рассмеялся. Руки дрожали, но на губах мелькнула слабая улыбка.

— Ну что ж... — прошептал он, стараясь звучать смелее, чем чувствовал. — Пора улучшить нашу отсталую систему образования и заодно показать, кто здесь главный! Увеличим бюджет на образование!

Гео зацепил курсором картинку «Образование» и потянул её. Сразу же сектор «Образование» распустился на экране во всей яркости, а соседние категории сжались, словно испуганные улитки, прячась в свои раковины. Он дёрнул сильнее, утроив его размер.

На мгновение его переполнила гордость. Вот оно. Наконец-то. Что-то значимое, реальное, что останется навсегда. На лице появилась улыбка — на этот раз не натянутая, а настоящая, почти мальчишеская. Он представлял детей в светлых классах, довольных учителей, целое поколение, которое станет более образованным только благодаря ему.

Но праздник самовосхваления длился лишь одно мгновение. На экране всплыло новое окно с информацией:

*Для увеличения выбранного бюджета система предлагает следующие сокращения.
Здравоохранение: —25% (оценка: около трёх миллионов человек лишатся лекарств и погибнут).*

Сегмент «Здравоохранение» сморщился, пульсируя красным цветом, словно открытая рана. У Гео перехватило дыхание.

Общественный транспорт: —35% (оценка: резкий рост аварий, увеличение количества смертельных аварий и тяжёлых травм, транспортный коллапс).

Шар «Транспорт» сжался в комок, как будто из покрышки выпустили воздух.

*Наука: —45% (оценка: проекты, способные
улучшить образование, здравоохранение
и транспорт, будут прекращены; последствия:
увольнения, страдания, непоправимые потери).*

Круг «Наука» задрожал, словно живой, и растрескался. Рука Гео замерла над мышью.
— Нет... Нет, должен быть выход... — пробормотал он.

Он пытался менять проценты туда-сюда, вырезая маленькие кусочки, словно отчаянный игрок,двигающий фишки на заранее подстроенном столе. Но каждая корректировка лишь вызывала новую лавину ужасов. Машина отвечала на каждую попытку холодными, беспощадными прогнозами: смертями, экономическими катастрофами, человеческими трагедиями, аккуратно оформленными в пунктах. Это было как спор с оракулом гибели.

Губы пересохли. Он заставил себя остановиться, глубоко вдохнул.

— Конечно... проблема очевидна, — прошептал он, цепляясь за тонкую нить логики. — Общий бюджет... Он не растёт. Вот и всё. Надо решить главную проблему.

Он переместил курсор к большому зелёному кругу — сердцу всего — и потянул его, пытаясь увеличить. Круг сопротивлялся, словно законы природы пытались удержать его. Рука дрожала от напряжения, когда Гео тянул сильнее. Наконец круг поддался усилию. Он увеличился, удвоился и растёкся по экрану. На мгновение в груди вспыхнула надежда.

Но экран мгновенно окрасился в тревожный ослепительно-красный цвет.

*Оценка: удвоение бюджета приведёт
к гиперинфляции — 1500%, в течение одного года
следующие отрасли рухнут...*

Длинный список прокручивался бесконечно. Глаза Гео метались по названиям отраслей, компаний и маленьких предприятий, которые превращались в пыль.

*Они обанкротятся... — ещё один поток названий.
Вторичные последствия: массовая безработица,
паника, преступность, стрессовые болезни, рост
аварий, повышенные показатели самоубийств.
В результате предложенных изменений люди
погибнут... умрут в авариях... попадут
в больницы... в тюрьмы...*

Что-то внутри Гео сломалось. Рука соскользнула с мыши. Он обмяк в кресле. Тело стало каменным. Казалось, машина высосала воздух из его лёгких и заменила его холодным удушающим отчаянием. Его краткая искра власти была раздавлена под горой неизбежностей.

«Это ловушка... — подумал он мрачно. — Идеальная, беспощадная ловушка. Система, построенная так, чтобы задушить любое стремление, прежде чем оно сможет вдохнуть».

Он уставился на мерцающий экран. Курсор мигал терпеливо, словно насмехаясь над его параличом.

— Может... Может, лучше вообще ничего не менять? — прошептал он.

Дрожащая рука кликнула:

Сохранить без изменений

Тысячи лет человеческой борьбы, мечты о прогрессе и справедливости столкнулись в очередной раз с законами математики и экономики. И всё его великое правление сократилось до одной строки в VikTruth:

*Правитель Гео придерживается консервативного
подхода и оставляет национальный бюджет
без изменений.*

Коридор власти

Пока Гео сидел за столом и осмысливал новую действительность, в дверь офиса тихо постучали. Прежде чем он успел ответить, в узком проёме показалась женская голова, увенчанная каскадом медно-красных волос, которые, казалось, светились даже при бледном офисном свете.

— Я ваша секретарша, меня зовут Меркура, — пропела она. Голос её был мелодичным и игривым, словно каждое слово сопровождалось подмигиванием. Она задержалась в дверном проёме, показывая ровно столько, чтобы напомнить Гео: любопытство — самый опасный из человеческих инстинктов.

Наконец дверь полностью распахнулась, и за ней последовала Меркура целиком: грациозная, собранная, в элегантной форме, идеально балансировавшей между профессионализмом и ноткой театрального озорства. Даже её обувь имела значение: отполированные до зеркального блеска туфли, предназначенные превратить любой коридор в подиум.

— Я пришла проводить вас на обед.

Гео, всё ещё окутанный туманом непонимания своей роли в системе, встал и последовал за ней в извилистый коридор. Тот был похож на модель кишки, переваривавшей всех, кто проходил внутри.

Меркура показывала дорогу, проскальзывая вперёд с отточенной элегантностью, и комментировала окружающее, как опытный экскурсовод в натуральном музее.

— Это начальник планетарной полиции, — сказала она, наклонив голову к двери, которая открылась. Из неё вышла бодрая пожилая женщина, чьи острые глаза, казалось, могли раскрыть ложь, даже если та была правдой.

Затем Меркура указала на длинноногого юношу с анархичной причёской и широкой ухмылкой — явно помощник начальника полиции.

— А вот наш главный педагог, — продолжала Меркура, кивнув на высокую женщину в развевавшемся одеянии. Та была глубоко погружена в разговор с двумя усталыми помощниками, которые яростно утвердительно кивали, словно давно забыли, что такое несогласие. — Наш главный педагог сама редактирует всю школьную программу. Дети в этом мире растут, зная её почерк лучше, чем почерк своих родителей.

Пока они шли, Меркура приветствовала каждого встречного кивком, поклончиком или, когда настроение было игривым, театральным жестом, заставляя Гео задуматься: не была ли она актрисой, прежде чем бюрократия поглотила её? Коридор оживал от движения: двери с обеих сторон распахивались, чиновники высыпали, как горошины из стручка, каждый был погружён в священную задачу выглядеть более занятым, чем сосед.

Человеческая река текла в одном направлении: к огромной столовой. Внутри десятки столов гудели от разговоров и металлического звяканья приборов. Бюрократы шумно поглощали еду и о чём-то спорили. Где-то мужчина пытался доказать свою точку зрения, используя для иллюстрации булочки и горчицу. Его оппонент не соглашался и сыпал сахар в острый суп — видимо, рассматривая это действие как решающий аргумент.

Гео окинул зал взглядом, полным открытого любопытства, затем наклонился к Меркуре:

— Так это здесь обедает весь персонал управления планетой? А... где ужинает великий судья? — добавил он с лёгкой улыбкой, наполовину шуткой, наполовину мечтательной надеждой. — Я бы очень хотел хотя бы минуту с ним посидеть... В конце концов, я же главный правитель.

Весёлое выражение Меркуры мгновенно исчезло. Лицо стало твёрдым и холодным.

— Я... ничего об этом не знаю. Пожалуйста, займите своё место, — быстро сказала она, указав на одинокий стол в дальнем углу. На табличке крупными буквами было написано:

Главный правитель

Гео подчинился, хотя табличка ощущалась не как честь, а скорее как «карантинная зона». По протоколу, никто не имел права присесть рядом. Его обед уже был готов: идеально сбалансированное, оптимизированное по питательности блюдо. Но изоляция была ощутимой, как будто он был не главным правителем, а скорее самым опасным заключённым.

Столовая живо гудела и смеялась, а угол, где сидел Гео, оставался островком тишины. Даже Меркура избегала зрительного контакта, словно табличка излучала лёгкую радиоактивность.

После обеда Гео вернулся в свой офис с большей уверенностью, хотя бы потому, что архитектура не оставляла альтернатив. Он снял с себя символический груз дня, принял долгий душ и предался постели. Главный правитель снова остался наедине с собой.

Великий судья

На следующий день Гео решил исследовать коридор в противоположном направлении, но, пройдя сто метров, наткнулся на охранника. Тот никого не пропускал, даже правителя. Что за тайну охраняли в этом центре власти? Почему его не пускают? Поскольку Гео не был обременён никакими обязанностями, он ежедневно возвращался к тому же месту — невидимой границе между властью и тайной. Там всегда стоял один и тот же охранник — воплощение молчаливой преданности системе.

Но даже каменную статую можно разговорить, если пытаться это делать каждый день. Сначала взаимодействие с охранником не выходило за пределы кивков и вежливых реплик, но вскоре их разговоры пробили рамки формальности. Гео узнал, что охранника зовут Рал. Они обсуждали пустяки: вечные споры о прогнозах погоды, странный юмор профилей VikTruth, делающий знаменитостей похожими на клоунов. Понемногу Гео узнавал о жизни Рала: двое детей, тайная любовь к старым спортивным голограммам, воспроизводившим давно забытые победы, и горечь охранника, застрявшего на одной и той же должности на слишком много лет.

И вот однажды утром Гео увидел, что с Ралом что-то не так. Его плечи, обычно прямые и напряжённые, обвисли. Глаза были затуманены.

— Что-то случилось? — спросил Гео, не скрывая искренней озабоченности в голосе.

Рал замялся. Губы дрожали.

— Они унизили нашего лучшего игрока. Кто-то испортил его профиль в VikTruth позорной записью... И великий судья одобрил это без колебаний. Теперь... ему грозит исключение из команды.

Гео моргнул, поражённый. Он почувствовал, что появился определённый шанс прорваться в святую святых.

— Это... Это ужасно! — воскликнул Гео. Слова вылетели раньше, чем он успел их сдержать. — Только потому, что кто-то написал в его профиле какую-то ерунду? Это не повод разрушать ему жизнь и так ослаблять нашу любимую команду!

В глазах Рала заблестела хрупкая искра надежды.

— Без него мы не выиграем чемпионат, — хрипло сказал он. — Он наш единственный шанс.

Комната словно сжалась вокруг Гео. Медленно, почти неохотно он наклонился ближе:

— Может, я могу вмешаться и уговорить его? — пробормотал Гео. — Но ты знаешь, как трудно достучаться до великого судьи. Он слишком занят. Вот если бы я поговорил с ним наедине, то, уверен, он изменил бы своё решение!

Рал застыл. На его лице пронеслась буря: верность долгу сталкивалась с яростью спортивного болельщика, человека, который всё ещё хотел верить в чудеса. Дыхание дрожало, когда он шепнул:

— Нам запрещено раскрывать местонахождение его кабинета. Но... ты никому не скажешь?

Сердце Гео колотилось. Он утвердительно кивнул:

— Клянусь.

Рал наклонился. Голос был столь тихим, что почти терялся под гулом ламп над ними. Слова звучали как контрабанда:

— Пятая дверь справа.

Это наконец-то случилось! Без промедлений Гео рванулся в сторону сакральной комнаты. Ему было что сказать великому судье. Почему-то он вспомнил школьный поцелуй в щёчку Венерки — и чувства гнева и обиды вспыхнули с новой силой. Он яростно ворвался в

комнату, ожидая увидеть сцену торжественного великолепия власти: возможно, трон, всемогущий судья с пронзающими душу глазами. Но комната была пуста...

По спине пробежал холод. Он захлопнул за собой дверь. Щёлкнул замок. Гео повернулся к единственному объекту, который оправдывал существование комнаты: компьютерному терминалу, экран которого пульсировал бесконечными потоками текста.

Гео подошёл осторожно, словно приближаясь к алтарю.

Он нажал «Пауза». Слепящий поток остановился. Перед ним мигали строки команд:

*Ручной режим
Жалоба №293999495
Одобрить: 0 / Отклонить: 1
Результат лотереи: 1*

*Повторить лотерею?
Да / Нет / Продолжить*

Рот пересох. Он кликнул «Да».

Результат замигал: 0. Он нажал снова. Колесо закрутилось: 1.

Гео отшатнулся. Дыхание перехватило.

Великий судья — никакой не судья! Это была машина — бессмысленный генератор случайных чисел. Каждая судьба, каждое разрушение и спасение... всё решалось случаем. Все решения для каждого жителя планеты были случайны. Не существовало никакой несправедливости или справедливости. Вот как решилась проблема управления. Только игра.

Ему стало дурно, словно мир накренился. Кожа покрылась мурашками. Он кликнул на мигающее окно. Слова «Открой меня» пульсировали. Развернулось огромное скрытое меню:

Ручные исправления → Лотерея поправок

Система потребовала:

Введите профиль

Гео набрал своё имя. Его биография развернулась:

Назначен главным правителем.

Внизу — одна кнопка:

Новая лотерея

Гео нажал.

Переназначить главного правителя?

Новый розыгрыш. Ещё один. Наконец желаемый результат:

*Снят через 10 дней после назначения.
Сохранить?*

Да

Система была взломана. История изменилась. Он прокрутил дальше. Его личная жизнь — сплошные пробелы.

Женат / Разведён — пусто.

Ещё один розыгрыш. Без изменений. Ещё одна попытка. И вдруг — бинго:

Гео женат на Венере.

Сердце подпрыгнуло. Венера!

Подтвердить

Имя, которое он шептал в личных мечтах, теперь высечено в VikTruth по воле машины!

«А теперь помогаем Ролу...» Он работал быстро.

В дверь кто-то настойчиво стучал. Гео бросился почти в панике. Он снова и снова запускал генератор случайных чисел, пока наконец не получил желаемый результат:

Гео и Венера имеют право на ребёнка.

Стук превратился в яростные удары. Он нажал «Сохранить». Система зафиксировала изменения как раз в тот момент, когда дверь распахнулась.

Отряд охранников ворвался в комнату. Грубые руки схватили его, вытащили. Он не сопротивлялся — ему уже было всё равно. В коридоре его ждал тот же чиновник, который когда-то приветствовал его, теперь без малейшего тепла в голосе:

— Великий судья вынес решение о вашем немедленном увольнении! Благодарим за службу. Вы возвращаетесь домой.

Когда его вели обратно, он увидел знакомое лицо: там, ведомый в противоположном направлении, стоял Рал — руки связаны, лицо покрыто синяками, но глаза горят гордостью. Их взгляды встретились. Губы Рала дрогнули в слабой улыбке.

— Я проверил статус, — сказал он хриплым, но торжествующим голосом. — Наш форвард остаётся в команде. Спасибо, главный правитель!

Гео почувствовал, как на глаза наворачиваются слёзы.

— Удачи, — прошептал он. — В конце концов... самое важное в жизни — это удача. Правда?

Рал твёрдо кивнул, словно запечатывая договор.

— Так и есть. Спасибо великому судье!

Тонкая настройка

Разговор с зеркалом

Если бы мы встретили Рула Крока в его студенческие годы, то увидели бы невысокого, болезненно застенчивого и совершенно некоммуникабельного юношу. Он каким-то образом умудрялся выпадать из ритма окружающего мира. Вернее, не совпадал с его темпом даже направлением взглядов. Возможно, именно этот признак социальной несовместимости и подтолкнул его позднее к революционным открытиям. В конце концов, необходимость — мать изобретения, а у Крока этого добра было более чем достаточно.

Ещё в школе он страдал от того, что сам называл своими дефектными чертами характера. Некоторые учителя — эстеты с уклоном в педагогический садизм — обожали вызывать его к доске, а затем, прищурившись, наблюдать, как маленький Крок стоит перед ними, блея и краснея, словно овца перед закланием. Каждый издаваемый им звук они комментировали с лукавой виртуозностью, будто рецензировали неуклюжего скрипача на прослушивании в филармонию. А одноклассники, разумеется, лишь подливали масла в огонь своими язвительными замечаниями и смехом. Его всепоглощающая застенчивость доставляла им то же грубое удовольствие, какое испытывают дети, увидев, как товарищ с размаху шлёпается в грязную лужу.

Когда он стал студентом университета и началась эра вечеринок, в которую его сверстники оттачивали искусство знакомства, умение раскручивать флирт и формировать временные романтические союзы, Крок нашёл себя в совершенно другой реальности. Во-первых, его

почти никогда никуда не приглашали. И вовсе не из злобы: все предполагали, что кто-то другой уже пригласил его. Во-вторых, даже когда приглашение всё же поступало, Крок робко входил в комнату, наполненную томной музыкой и танцующими парами, и, стараясь не привлекать внимания, садился в самый дальний угол, словно боясь пересечь суверенные границы веселья. Он сидел там тихо, как далёкий наблюдатель, страдая, пока все остальные танцевали и флиртовали.

Попытки завязать разговор с незнакомыми женщинами, даже не слишком привлекательными, неизменно терпели неудачу. Он вёл себя так, будто был шпионом на допросе: отвечал односложно, словно боялся, что лишняя информация попадёт в руки врага. Женщины вежливо улыбались, но через минуту их охватывало непреодолимое желание пойти за чем-нибудь выпить — и они больше не возвращались.

Даже в повседневной жизни Крок казался тем, кого мир предпочитает не замечать. В очереди на посадку в аэропорту его постоянно обгоняли. Пассажиры будто обладали внутренним датчиком: «О, это Крок? Отлично, давайте проскользнём вперёд».

В магазинах он изобретал новые формы социального исчезновения: мог стоять прямо перед кассой, а кассир при этом приветствовал всех позади него, будто Крок был не покупателем, а любопытным призраком. Казалось, мир наконец получил почти идеальный прототип невидимого человека — если бы только мы могли понять, как он работает.

И всё же, несмотря на свою неуверенность и хроническую некоммуникабельность (или, возможно, как раз благодаря этим качествам), Крок сумел окончить университет весьма успешно. У него просто не было выбора: пока сверстники проживали бурные студенческие годы, он тщательно изучал учебники, оттачивая навыки, не требующие ни уверенности, ни человеческого общения. Его достижения не остались незамеченными академическими комиссиями: сначала его приняли в магистратуру, а затем дорога открылась по ступенькам нейронауки и биологии — двух областей, где тишина лабораторий идеально гармонировала с его природной привычкой не выделяться.

В свободное время Крок продолжал мучительно исследовать собственную личность. Он проводил внутреннее расследование. Откуда вообще взялись все эти странные черты: его скованность, абсурдная застенчивость, хроническая незащищённость? Кто в этом виноват: он сам, какая-то жестокая судьба или гены, решившие сыграть с ним злую шутку?

Перерыв кучи статей и несколько толстых монографий по поведенческой генетике, он обнаружил, что более пятидесяти процентов черт личности определяются наследственностью: экстраверсия и интроверсия, чувствительность к оценке, оптимизм или пессимизм, импульсивность, склонность к риску или патологическая осторожность — всё это, как оказалось, тесно связано с конкретными комбинациями нуклеотидов, словно личность — всего лишь алгоритм, написанный на языке биохимии.

Это означало, что значительная часть его качеств пришлась не на воспитание, школу, жестоких учителей или собственные неудачи, а на генетику. И в этой лотерее ему, мягко говоря, досталась не выигрышная комбинация, а набор, который легко можно было истолковать как приговор от его величества случая.

Интроверт, выросший в шумной группе, не переплавляется в экстраверта — он просто усиливает склонность к уединению, совершенствуя искусство тихого исчезновения на фоне громкого хаоса. И наоборот: природный лидер, оказавшись в группе, автоматически собирает вокруг себя слушателей, как магнит — железные опилки, усиливая свою врождённую доминанту.

Таким образом, изначально заложенные пятьдесят процентов постепенно и настойчиво превращаются в главную движущую силу личности. И жизнь Рула Крока стала ярким примером того, как генетический набросок шаг за шагом становится полностью сформированным характером, почти без случайностей.

После долгих размышлений Крок решил попытаться перехитрить свой генетический проклятый билет. Он прекрасно понимал: если не изменить что-то фундаментальное, прогресса не будет — ни в карьере, ни, что тревожило его гораздо больше, в личной жизни.

Он начал с примитивного, но популярного набора универсальных решений: спортзал, книги по самопомощи и дыхательные практики. И на какое-то время ему даже казалось, что внутри что-то действительно сдвинулось: голос стал чуть громче, взгляд — чуть увереннее, осанка выпрямилась, и он стал выше примерно на полсантиметра.

Но любое изменение должно быть проверено на практике. И проверка настигла его в самый неподходящий момент: в переполненном автобусе. Крок собрал всю храбрость и попытался попросить довольно дерзкую девушку, занявшую соседнее место с огромной сумкой, немного подвинуться. Но, как только он открыл рот, слова предательски застряли в горле — словно кто-то внутри нажал кнопку «выключить».

Но Крок не мог сдаться так просто. Он решил прибегнуть к более радикальным методам. Он начал с самого простого — записался на курс гипноза, рекламируемый в попавшемся ему флаере: «Я превращу тебя в душу компании за три сеанса».

После первого визита Крок действительно стал более разговорчив — но, к его удивлению, исключительно с одним собеседником: фотографией своей бабушки на стене. Он мог часами говорить с ней о работе, погоде и ценах на недвижимость, размахивая руками с нехарактерной экспрессией.

Однако, как только он пытался заговорить с живым человеком, эффект исчезал мгновенно. Бабушка слушала, люди — нет. Гипнотерапевт не мог объяснить, почему это происходит, но охотно предложил ещё шесть сеансов углубления. Крок отказался: ведь кошелек у него был недостаточно углублён.

Затем Крок решил попробовать ещё одну онлайн-рекомендацию: «Разговаривай с зеркалом». Инструкция утверждала, что самое главное — строгий взгляд. Метод обещал впечатляющий эффект: постепенно усиливая строгость, якобы можно натренировать такой мощный пронзительный взгляд, что даже мифическая Медуза Горгона и Василиск, славившиеся своими ужасающими оптическими способностями, покраснели бы от стыда при встрече с конкурентом в глазном поединке.

Крок подошёл к задаче серьёзно: он тренировался утром, вечером, а иногда и в обед — просто чтобы поймать себя врасплох. Хмурил брови, сжимал губы и пытался воспроизвести выражение «я вижу тебя насквозь, смертный».

Увы. Через месяц настойчивых тренировок зеркало неизменно отвечало тем же робким, растерянным взглядом, излучая не угрозу, а лёгкое смущение. Иногда Крок даже ощущал, что отражение смотрит на него с жалостью — и это, возможно, было самой болезненной победой над самим собой.

Но Крок не оставил свою идею. Однажды, заметив на столбе полурасколотый флаер, он вдохновился новым методом под названием «караоке-терапия».

Караоке-бар встретил его неоновыми вывесками, запахом перегретой пиццы и густым гулом пьяных голосов — идеальная атмосфера либо для преодоления себя, либо для полного фиаско. Крок выбрал единственную песню, соответствовавшую его вокальным способностям: «С днём рождения». Казалось, её невозможно испортить. Сначала всё шло относительно неплохо. Он даже смело попросился в список. Но, как только настала его очередь, уверенность мгновенно испарилась. Понимая, что ему предстоит петь перед толпой, наполненной алкоголем, самоуверенностью и праздничным безумием, Крок почувствовал, как начинают дрожать ноги. Он вышел на сцену с выражением человека, переживающего что-то близкое к тому, что испытывал Людовик XVI на пути к эшафоту.

Ведущий похлопал его по плечу — жест поддержки, который лишь слегка отложил катастрофу. Финальным ударом стала девушка в первом ряду: кареглазая, скептическая зритель-

ница, которая, как ему показалось, оценивает его, решая, годится ли он на роль второстепенного персонажа в её вечере. Крок попытался улыбнуться — и в этот самый момент зазвучала музыка. Его лицо приняло выражение парашютиста, который, вывалившись из самолёта, вдруг вспоминает, что забыл надеть парашют.

В отчаянной попытке избежать неминуемого позора он запоздало начал знакомую мелодию. Звуки, которые исходили из него, можно было сравнить с карканьем ворон, восторженно изображающих песню тореадора из оперы «Кармен». Ведущий, пытаясь спасти репутацию заведения, быстро выключил музыку. Песня остановилась мгновенно, и воцарилась глубокая тишина — такая, какой никогда ранее не слышали (если вообще можно так говорить о тишине) в этих стенах. Её нарушил лишь громкий стук падающей кружки с пивом — идеальный финальный аккорд его выступления.

Крок не помнил, как покинул это место. Его память милосердно стёрла неприятный опыт.

Метод маленьких шагов

Оправившись от ещё одного фиаско, Крок решил, что слишком рано сдаваться. Он примет ещё одну попытку — но на этот раз будет следовать методу маленьких шагов. Согласно инструкции, скачанной им из интернета, нужно было совершать крошечные, почти незаметные действия, постепенно преодолевая собственные запреты и страхи.

Текст подробно описывал, каким должен быть каждый первый шаг: простые упражнения, которые казались совершенно бесстрашными, но со временем должны были привести к серьёзным изменениям. Крок изучал эти инструкции с той же внимательностью, с какой сапёры изучают мануалы по разминированию.

Согласно методу, Крок должен был каждый день говорить хотя бы одно предложение с незнакомцем. В аптеке — поздороваться с кем-нибудь в очереди. В магазине — вежливо попросить постороннего передать ему предмет с высокой полки. А в очереди к врачу — произнести самую страшную фразу: что у него особые обстоятельства и он должен пройти без ожидания. Для обычных людей это звучало бы как мелочь. Но для Крока каждая задача была социальным эквивалентом восхождения на Эверест без кислорода.

На бумаге всё выглядело логично и даже обнадеживающе. На практике же метод провалился на самом первом этапе. Крок решил начать с аптеки — самого безопасного поля боя. Он готовился к этому первому шагу с тщательностью великого генерала перед решающей битвой.

Войдя в аптеку, он провёл разведку местности и быстро выявил слабое звено в стане врага. Им оказалась доброжелательно выглядевшая пожилая женщина, спокойно стоявшая в конце очереди. Крок решил, что более подходящей цели для решающего первого шага не найти. Собрал всю внутреннюю силу, он подошёл к женщине и попытался произнести простую фразу: «Здравствуйте... Вы последняя в очереди?»

Но вместо слов из горла вырвался ужасный хрип — нечто среднее между кашлем и шёпотом. Женщина обернулась от испуга и, увидев его неловкие движения, решила, что перед ней нищий, просящий милостыню. Она сразу же вызвала охранника.

Охранник, человек внушительных размеров, появился так быстро, будто специально ждал Крока за углом. Он строго посмотрел на Крока и сказал:

— Это аптека, а не вокзал. Пожалуйста, пройдите наружу.

Крок попытался объяснить:

— Я... просто... хотел... поздороваться...

Но слова снова растворились в жалком шёпоте. Не вдаваясь в подробности, охранник аккуратно, но твёрдо взял его за локоть и вытолкнул на улицу. Крок стоял перед аптекой, чувствуя себя генералом, изгнанным с поля боя до начала сражения. Это было поражение хуже Ватерлоо — и казалось, что весь мир только что насмехнулся над ним.

Следующий малый шаг Крок планировал ещё тщательнее: на этот раз всё должно было происходить в продуктовом магазине. Он выбрал момент, когда рядом стоял высокий мужчина — идеальная цель для спецоперации «достать пасту с верхней полки».

Перед решающим действием он провёл короткую медитацию, собрал всю оставшуюся волю и жалобно заблеял, как беспомощный ягнёнок, силой отделённый от матери:

— Может... вы... ну...

Слов больше не осталось. Мужчина, решив, что бормотание не относится к нему, спокойно прошёл мимо. Крок остался стоять с вытянутой рукой, как актёр, застывший в несчастной позе во время монолога. Внутри он чувствовал, что попытка провалилась, и, подумав: «Ладно, возьму сам», протянул руку за пастой.

Паста была всего в нескольких сантиметрах от его пальцев. Крок потянулся ещё дальше, схватил край полки и... задел соседний пакет с рисом. Пакет, словно по команде, упал, потянув

за собой каскад банок с томатным соусом. Банки разбились, а пролившаяся красная жидкость создала впечатление кровавой схватки.

Крок стоял в центре красной лужи, держа совершенно ненужную коробку пасты, словно герой, только что победивший спящего дракона (банки) и спасший принцессу из башни (паста). Покупатели обернулись, чтобы увидеть следы его разрушительных подвигов. Если цель была привлечь внимание — он её, безусловно, достиг.

Он уже почти впал в панику, когда подошли несколько человек, включая грузного человека в форме, и указали на хаос:

— Что здесь происходит?

Краснея и не находя слов, Крок пробормотал:

— Метод маленьких шагов...

Это, вероятно, спасло его от серьёзных последствий: все решили, что перед ними пациент, сбежавший из соседней психиатрической клиники, и решили не выяснять, к чему маленькие шаги могут привести.

Отдохнув неделю после ужасного провала, Крок — невероятно настойчивый (видимо, эта черта была тоже записана где-то в его геноме) — решил попробовать третий эксперимент. Эта попытка должна была стать кульминацией метода маленьких шагов. Крок выбрал очередь к врачу — место, где люди обычно терпеливы и, предположительно, открыты к диалогу.

Он заранее выучил фразу: «У меня особые обстоятельства, мне нужно пройти вперёд».

Очередь была длинной. Люди переминались с ноги на ногу. Крок занял последнее место, но через несколько минут, собрав смелость, шагнул вперёд и обратился к регистратору:

— У меня... особые обстоятельства.

Секретарь посмотрела на него строго:

— Какие именно?

И тут Крок понял, что у него нет плана Б. Он замер, а затем робко пробормотал:

— Ну... у меня... редкая форма... срочности.

Очередь ожила. Мужчина фыркнул:

— А у меня редкая форма терпения, так что стойте в конце.

Женщина в платке добавила:

— Если у вас редкие обстоятельства, то у меня крайне редкие нервы. Давайте поменяемся.

Секретарь, не выдержав, рассмеялась:

— Сэр, вернитесь на своё место. У всех здесь есть обстоятельства.

Крок, красный как свёкла, покорно вернулся на своё место. Так метод маленьких шагов снова обернулся серией больших неудач.

Маленький пёс по имени Мета

Тем временем Крок стремительно продвигался в научном мире, где мало кого интересовали его личные особенности, куда важнее были качество исследований и уровень публикаций, и в этих областях он явно превосходил многих.

Вскоре у него появилась большая лаборатория, позволявшая заниматься собственными исследованиями. И тогда Крок задал себе вопрос: мог бы существовать метод, способный корректировать личность не через упражнения или тренировки, а посредством прямого воздействия на мозг? Более того, можно ли выявить различия в мозге, которые однозначно связывались бы с чертами характера?

Скоро он нашёл подтверждение: многочисленные исследования показывали устойчивые различия в активности мозга между интровертами и экстравертами, социально активными и замкнутыми людьми, уверенными в себе и стеснительными. Функциональные сканы выявляли целые нейронные сети, реагирующие на стимулы по-разному, словно две версии одного и того же чертежа: слева — нейронный профиль экстраверта, а справа — интроверта.

Крок распечатал эти изображения и поставил на самое видное место на своём столе. Каждый день он смотрел на них и повторял про себя: «Смогу ли я изменить эти цепи так, чтобы изображение слева превратилось в правое?»

И тогда он решил: если днём заниматься совершенно безобидными научными исследованиями, то вечерами и ночью он может позволить себе эксперименты с чем угодно.

Так начался беспрецедентно амбициозный проект, движимый огромной внутренней мотивацией. Проект, которому Крок посвятил десять лет. Совмещая фармакологические препараты, магнитную стимуляцию мозга, слуховые и визуальные раздражители с обратной связью через функциональную МРТ, он разработал метод, который, как он говорил, мог корректировать черты личности.

Первые эксперименты проводились на собаках. В его научном журнале одна из первых записей сухо фиксировала: «Объект: собака Мета — небольшая дворняга, которая при любом резком шуме исчезает за холодильником и предпочитает углы любому контакту, боится всего незнакомого и скулит при виде другой собаки. Моя младшая версия, только в шерсти. Комбинация микродоз нейромодуляторов, мягкой магнитной стимуляции префронтальных цепей, сенсорной стимуляции и обратной связи через fMRI».

Через несколько месяцев стало ясно: идея даёт положительные результаты. Мета перестала бояться людей и начала вести себя так, словно лаборатория принадлежала ей с рождения: она открывала ящики, изучала оборудование и однажды заняла кресло Крока, оставив ему лишь символический край сиденья.

В журнале зафиксировано: «Объект демонстрирует уверенное территориальное поведение. Видимо, я потерял статус».

С научной точки зрения, эксперимент подтвердил, что модуляция черт личности посредством комбинированного стимуляционного вмешательства возможна.

Но был и ещё один неформальный вывод: если застенчивость можно так эффективно корректировать у собак, почему бы не применить метод к человеку?

После нескольких лет отработки технологии на собаках Крок решил переходить к людям. Естественно, первый кандидат был очевиден: он сам. В конце концов, всё это делалось для него.

Эксперименты на людях

Делая необходимые поправки в дозировке и тщательно адаптируя протокол под человеческие параметры, Крок провёл процедуру коррекции личности, строго следуя отточенной методике. Процедура прошла без каких-либо заметных субъективных эффектов: ни головокружения, ни прилива энергии, ни внезапного просветления. Однако субъективные ощущения не считались надёжными индикаторами. Чтобы проверить результат, он выбрал ту же модель поведения, с которой много лет безуспешно пытался преодолеть свои социальные трудности с помощью метода маленьких шагов.

Крок решил повторить свой первый, далеко не удачный социально стрессовый сценарий: он вошёл в случайно выбранную аптеку, где у окна рецептов стояла длинная очередь. Не позволяя себе привычного «а что, если...», он уверенно подошёл к окошку.

Крок не просто подошёл к окошку — самому священному месту в очереди. Он пробрался туда, аккуратно, но твёрдо отодвигая людей, демонстрируя поведение, которое бихевиористы животных описывают как «походка доминантного самца». Довольно агрессивная женщина повернулась к нему, открыв рот, но слова, обычно присутствующие в её лексиконе — «Куда это вы собрались, наглец?» — застряли у неё в горле, столкнувшись с холодным неприкрытым взглядом Крока.

Очередь — длинная, усталая, социально организованная система — инстинктивно расступилась. Но не полностью: на его пути встала ещё одна рассерженная женщина лет пятидесяти с выражением «я здесь с семи утра». Это был идеальный тест. В Кроке поднялось странное сочетание спокойствия и решимости — не ярость, не дерзость, а нечто вроде внутреннего протокола, автоматически активировавшегося в нужный момент.

— Извините, — сказал он громким, решительным голосом, голосом того, кто никогда не извиняется. — Мне это нужно срочно. По красному рецепту.

Он намеренно произнёс последние слова полусшёпотом, с оттенком таинственности, словно имелось в виду вещество, которое спасает жизни, но о котором шепчут только в закрытых медицинских кругах.

Агрессивная женщина рефлексивно посмотрела в его карман, как будто красный рецепт должен был там быть. Крок понял, что манипуляция сработала, и усилил давление:

— Мне сказали, что, если я не получу это лекарство сегодня, — он сделал тщательно рассчитанную паузу, — последствия будут необратимыми. Для всех, — добавил он значимо, оставляя простор для самой широкой интерпретации.

Он посмотрел на женщину взглядом отчаянного альпиниста, который сорвался в пропасть, но в последний момент ухватился за уступ. Её беспощадная шпилька зависла над бледными пальцами Крока. В её руках (или ногах) — жизнь человека. Женщина нервно вздрогнула и отступила. Остальные люди — видимо, решив, что перед ними субъект в редком и срочном состоянии, возможно даже слегка заразном — позволили ему пройти. Социальная скрепа очереди полностью разрушилась.

Крок покорила всех и добрался до прилавка. Фармацевт поднял взгляд, собираясь сказать, что он должен ждать своей очереди, но встретил слегка настойчивый, уверенный взгляд Крока.

— Мне нужен, — Крок вытянул первое пришедшее в голову название, — пантупразол. Самая большая упаковка.

Почему пантупразол — он не знал. Возможно, подсознание выбрало слово, напоминавшее «панцирь».

К его удивлению, фармацевт лишь уточнил:

— Вы, наверное, имеете в виду пантопразол?

— Да, конечно! — громко ответил Крок, чтобы слышала вся очередь.

Фармацевт молча повернулся, взял коробку с полки и завершил продажу.

Крок взял пакет, развернулся и направился к выходу через очередь, которая теперь смотрела на него с благоговейной смесью сочувствия и опаски. Кто-то даже отступил в сторону, освобождая дополнительный путь, словно он нёс биологически опасный материал третьего класса.

Оказавшись на улице, Крок остановился, прислушался к себе... и понял, что у него нет привычного желания извиняться перед всеми в очереди. Он посмотрел на коробку с пантопразолом и попытался осознать главный факт: впервые в жизни он получил желаемое с помощью смелости, манипуляции и доминирования — и система не только не сопротивлялась, но подчинилась ему.

Он записал в блокнот: «Эксперимент №1. Результат: положительный. Требуется дальнейшая проверка».

В следующем эксперименте Крок решил проверить, насколько изменился его уровень смелости. Для этого нужно было совершить продолжительное действие, демонстрирующее полное пренебрежение окружающими.

На этот раз было выбрано солидное финансовое учреждение — или, другими словами, главный банк города. Крок вошёл в банк с уверенным видом, на глядя по сторонам. Декларированная цель была совершенно абсурдна: проверить на подлинность сотню долларовых купюр и выдать отдельный сертификат честности на каждую.

Банкир, молодой человек с идеально уложенной чёлкой, поднял взгляд:

— Чем могу помочь?

Крок положил перед ним сто долларовых купюр и посмотрел молодому человеку прямо в глаза.

— Мне нужно проверить все эти купюры — убедиться, что нет подделок... И выдать сертификат на каждую. Подпись, печать и, если возможно, одобрение управляющего филиалом, — громко сказал Крок.

Он демонстративно повернулся к шуму людей позади, которым предстояло настоящее испытание.

Очередь начала перешёптываться. Женщина, крича: «У меня уже ноги болят!», пыталась протиснуться вперёд, мужчина с газетой посмеивался, словно наблюдая театральную абсурдность, а пожилая дама с сумкой бросала взгляды, способные сжечь. Но Крок оставался невозмутим. Он тщательно проверял каждую купюру: трогал, нюхал, подносил к свету, иногда комментировал вслух:

— Цвет слегка не тот, нужно быть внимательнее.

Банкир попытался вмешаться:

— Эм... Сэр, может, ограничимся десятью купюрами?

— Нет, нет. Наука требует полной выборки! — холодно ответил Крок и со взглядом, равнодушным к жизни и очереди, заставил банкира замолчать.

Очередь пыталась реагировать: кто-то попытался засмеяться, но смех застрял в горле; кто-то достал телефон, чтобы позвонить и пожаловаться, но вдруг понял бессмысленность; один молодой человек просто прислонился к стене, позируя, как драматическая скульптура, чтобы минимизировать контакт с Кроком.

Прошёл час. Сто купюр проверено, сто сертификатов выдано, и очередь полностью рухнула — люди стояли в недоумении, словно после социального землетрясения.

Банкир тихо обратился к коллеге:

— Это... нормально?

— Судя по его взгляду, он так считает, — ответил коллега.

Крок покинул банк, словно победитель древнего турнира: миссия выполнена, порядок восстановлен на его условиях, и теперь он окончательно уверовал, что смелость и настойчивость способны сломать любую социальную систему.

После нескольких успешных экспериментов Крок решил, что, если его метод работает на нём, он обязательно сработает и на других. Без сомнений, найдутся многие, кто жаждет скорректировать свою личность.

И тогда ему пришла идея создать процветающий бизнес. Благодаря новым личностным качествам, которые так любят инвесторы, Крок легко привлёк капитал, нанял несколько десятков сотрудников и основал компанию. Там он сразу же начал интенсивную работу по улучшению методики коррекции личности.

Через несколько лет у Крока появилась большая и успешная компания под названием Persona Nova. Клиенты шли непрерывным потоком, а его строго секретный метод стал предметом обсуждений и восхищения в профессиональных кругах.

Вишенка на торте

Прошло три года с момента основания компании. В тот день Крок немного опоздал на работу.

— Сколько заказов сегодня? — спросил он у секретарши. Она держала планшет, в который поступал поток заказов и уведомлений.

— Нас завалили работой, мистер Крок, — пробормотала секретарша, устало протирая глаза. — Все записи заняты на шесть месяцев вперёд. Люди даже ночуют у входа, чтобы попасть на приём. Вчера один мужчина поставил палатку прямо под вашим окном.

— Снова? — вздохнул Крок. — Внесите его в список вип-клиентов для срочной трансформации. Кто следующий?

Секретарша взглянула в журнал:

— Довольно дерзкий подросток. Он с родителями.

Крок кивнул:

— Пусть пройдут.

Начался ещё один рутинный день. Подросток вошёл с матерью. Он возвышался над Кроком и смотрел на него с непринуждённым пренебрежением.

Её сын грубит учителям, перебивает взрослых и считает, что весь мир ему что-то должен — быстро объяснила мать, судорожно сжимая свою сумку.

— Сделайте его... ну... более вежливым. По крайней мере, немного.

Подросток презрительно усмехнулся, развалился в кресле, положив одну ногу на другую, и окинул Крока взглядом человека, привыкшего побеждать в спорах, даже не вникая в суть темы.

— Я веду себя нормально, — пробормотал он. — Просто все слишком чувствительные.

Крок отметил в карточке: «Склонность к доминированию, низкая чувствительность к обратной связи, чрезмерная напористость». Не так часто приходилось снижать доминирующие черты, а не усиливать их.

— Ладно, — сказал он. — Попробуем скорректировать импульсивность и повысить чувствительность к границам других людей. Основная структура останется вашей. Мы не превращаем людей в других. Мы просто корректируем параметры.

Подросток фыркнул, но всё же прошёл в процедурную.

Процедура заняла больше времени, чем обычно: если усиление доминирования требовало всего часа, то на уменьшение доминирующих черт система обратной связи настраивалась с трудом. Только через два часа загорелся зелёный сигнал. Анестезиолог помог подростку проснуться, и тот, слегка пошатываясь, вышел из процедурной. Он выглядел немного озадаченным, но полностью в здравом уме. Лицо было серьёзным, привычная насмешливая улыбка исчезла.

— Ну как? — спросила мать.

— Отлично, — сказал подросток необычно мягко.

Мать вздрогнула, впервые услышав такой тон в его голосе. Мальчик посмотрел на Крока и после короткой паузы добавил:

— Эм... Спасибо, наверное.

Мать уставилась на сына с тем же выражением, которое появилось на её лице, когда она разглядывала прайс-лист Крока.

— Вы его... не сломали? — спросила она недоверчиво.

— Мы просто уменьшили амплитуду, — спокойно сказал Крок. — Он всё ещё будет спорить, но теперь сможет выслушать ответ. Если хотите, можем сделать повторную корректировку через месяц. В обе стороны.

На выходе подросток инстинктивно придержал дверь для следующего посетителя и с удивлением посмотрел на свою руку, словно она действовала сама по себе. Крок отметил в блокноте: «Коррекция гипердоминирования. Результат: умеренный, социально приемлемый. Потенциал для тонкой настройки подтверждён».

Он помахал рукой и вернулся к секретарше.

— Следующий, — пробормотал он, направляясь обратно в кабинет.

Через несколько секунд загорелся красный сигнал: «Процедура №1187».

Дверь тихо открылась, и в кабинет вошла симпатичная брюнетка, не зная, куда деть руки. Несмотря на изящную фигуру, она отчаянно сутулилась. Платье было перекручено, а выражение лица говорило о том, что она как бы извиняется только за то, что существует.

— Присаживайтесь, — сказал Крок, указав на широкое кресло для пациентов. — В соответствии с новыми правилами Министерства характера, я обязан задать вам несколько вопросов.

— Да, конечно... — ответила девушка, садясь осторожно, словно кресло могло укусить.

— Значит, вы хотите изменить некоторые особенности вашей личности? — спросил Крок, продолжая заполнять форму.

Девушка села аккуратно, почти не касаясь кресла, словно опасаясь его повредить. Взгляд у неё был опущен вниз, как у нашкодившего ребёнка, пойманного с поличным.

— Люди говорят, что я очень способная, — начала она. Голос задрожал. — Кто-то даже называет меня гением. Я могу понять код, программу или задачу за минуту, когда другим на это нужны часы или дни. Но... всё это не помогло мне продвинуться в жизни — ни в работе, ни в личной сфере. Я ужасно стеснительна, социально неуклюжа и понятия не имею, как руководить людьми. Я застряла в самом начале своей жизни. Полгода назад я записалась в очередь... И вот я здесь.

Она сжала колени, словно пытаясь спрятаться в них. Плечи дрожали. На мгновение Крок почувствовал лёгкий проблеск давно утраченной эмпатии — ту самую искру, что когда-то спасла его от полного цинизма. Но он быстро вспомнил, через что прошёл, и взгляд его стал жёстким, холодным и расчётливым.

— Мне предлагали руководить крупными проектами, — продолжала девушка. — Но после каждого собеседования мне звонили и говорили, что, к сожалению, с моей личностью я даже щенка пуделя не смогу вести...

— Понимаю... Учтено, — кивнул Крок. — Основа корректировки личности: управленческая деятельность. Необходимые изменения: убрать стеснительность, снизить педантичность, добавить упрямства и твёрдости, исключить сентиментальность. Возможно, добавить каплю холодного прагматизма — прошлые недели показали, что это в тренде... — Он поднял глаза и изучил её реакцию. — Что-то ещё?

— Н-нет... Думаю, это всё, — выдавила она, едва подняв взгляд и стараясь скрыть тревогу.

— Отлично. Идите в ту комнату, — сказал Крок, указав на неприметную дверь, из-под которой клубился беловатый пар. — Там вами займётся специалист. Процедура займёт меньше часа. Вам дадут лёгкий седативный препарат во время процесса, и вы ничего не почувствуете. Всё будет происходить во сне. Я проверю результаты, когда процесс завершится.

Девушка медленно поднялась. Каждое движение было скованным, руки дрожали, глаза металась между Кроком и дверью.

— Э-это безопасно? — спросила она едва слышно.

— Абсолютно, — уверенно ответил Крок. — Вероятность побочных эффектов ниже, чем при обычной простуде. Худшее, что может произойти при сбое — это то, что вы станете агрессивно доминирующей, но это не ведёт к серьёзным социальным последствиям.

Она кивнула, словно неохотно принимая невидимую команду, сжала кулаки и медленно исчезла за дверью. Крок остался один, глубоко вдохнул и потрепал виски, наблюдая, как её фигура скрылась за углом.

Менее чем через час загорелась красная лампа над дверью офиса: «Процедура завершена. Провести проверку».

Крок отложил документы — свежую стопку форм, каждая страница с тремя печатями и двумя предупреждениями: «Не хранить в бумажной форме». Он встал, поправил лабораторный халат и приготовился к обычной проверке: слегка сонный пациент, немного дезориентирован, но удовлетворён.

Дверь резко, почти агрессивно распахнулась. И вот она — та же IT-девушка, только теперь малейший след прежней скромности полностью испарился. Платье на ней было то же, но на этот раз сидело уверенно и элегантно, будто сшито на заказ. Спина идеально прямая, подбородок поднят, глаза холодные, спокойные, аналитические. Взгляд её был словно копьё, пронизывавшее Крока насквозь.

— Пожалуйста, присаживайтесь, — попытался он начать со своей стандартной фразы. Она не села.

— У вас на столе, — она кивнула в сторону стопок бумаг, — беспорядок. Это говорит о слабой внутренней дисциплине. Мы обсудим это позже, — произнесла она ровным стальным голосом.

— Обсудим?... Позже?..

Крок давно не сталкивался с тем, чтобы кто-то осмеливался отдавать ему распоряжения. Её слова полностью выпадали из привычного сценария. Он решил не спорить и перешёл к формальному завершению процедуры. Подтянул к себе бланк и сделал вид, что что-то записывает.

— Как вы себя чувствуете? — осторожно спросил он.

— Превосходно, — ответила она, всё ещё не садясь. — Я наконец избавилась от эмоционального шума. Мир ясен. Управляем. Послушен.

— Послушен... чему? — Крок не понял.

Она подошла к зеркалу, осмотрела своё отражение с профессиональной придирчивостью и удовлетворённо кивнула, словно отметив соответствие стандарту.

— Я внесла несколько поправок в вашу программу, — сказала она.

Внутри Крока болезненно кольнуло.

— Как?! Пациенты не могут влиять на процесс. Это технологически невозможно!

— Во время процедуры, — спокойно продолжила она, — я проснулась на десять минут раньше запланированного. Ошибка вашего анестезиолога. Мы уволим его позже.

Крок моргнул, не понимая, шутит она или нет.

— В комнате никого не было. Я подошла к интерфейсу машины, ввела программу. У вас слабая система безопасности. Кто за неё отвечает? Его тоже уволим. — Она сделала лёгкий жест, словно занесла пункт в отчёт. — Я немного оптимизировала алгоритм.

— Опти... — У Крока подкосились колени. — Но это оборудование министерства! Это незаконно! Это невозможно!

— Уже возможно, — ровно сказала она. — Теперь машина работает вдвое быстрее, а ваши файлы я загрузила в облако для анализа. Моё облако. Все ваши пациенты — мои. — Её взгляд скользнул по бумагам: — И да, в документации вы допускаете множество ошибок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.